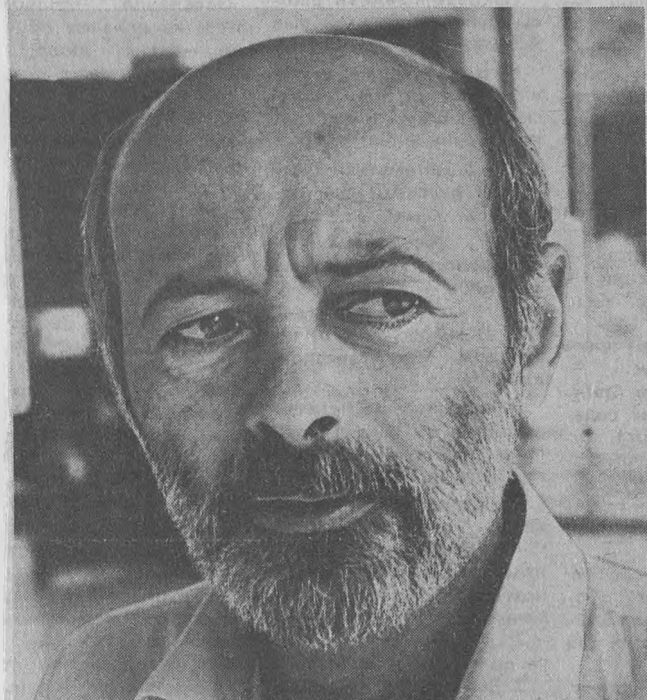

Владимир Портнов, главный режиссер
Московского театра на Малой Бронной:

А люди пустились в большую затейливость

МЫ ПЛОХО думаем о своем зрителе, когда говорим, что он потерял интерес к театру и смотрит только по телевизору. Я вижу, как стремятся люди попасть на премьеры нашего Лермонтовского театра, как мгновенно разносится по городу слух о сдаче нового спектакля. Вижу полные залы во время гастролей серьезных театров, особенно московских. Правда, в последние годы появилась некая отлупливающая зрителей от столичных театров тенденция — привозить к нам не лучшие спектакли, не лучших артистов и вообще работать по принципу «для провинции и так сойдет». Были такие опасения и перед приездом Московского драматического театра на Малой Бронной.

Как приятно, что они не оправдались!

Я посмотрела уже первые их спектакли, и у меня сложилось устойчивое впечатление, что это кропотливо работающий, набирающий силу, несколько утраченную в послеэфросовские времена, театр. Коллектив приехал в полном составе, с полной, так сказать, выкладкой. Главный режиссер Владимир Портнов ежевечерне разрывается между двумя площадками — Лермонтовской и Ауэзовской сценами, тщательно проверяя готовность двух спектаклей сразу. В этом просматривается уважение к себе, своему театру и к алма-атинским зрителям.

Репертуар театра — полный, в нем бережно сохраняются лучшие постановки А. Эфроса.

А. Дунаева, есть спектакль Г. Тростянецкого, интересную режиссуру показывает народный артист СССР Л. Дуров. За два с половиной года работы в театре поставил три спектакля В. Портнов.

Вот о двух из них мне и хочется поговорить. Это — «Вальпургиева ночь, или Шаги ко мандора» по пьесе В. Ерофеева и «Москва — Петушки» по одноименной повести.

ДО НЕДАВНЕГО времени о Венедикте Ерофееве знали только зарубежные читатели, выписывающие журнал «Континент», а из наших — читатели самиздата и слушатели «голосов». И наконец — он легализован, многострадальная повесть «Москва — Петушки» опубликована в нашей стране, пьесу «Вальпургиева ночь» взял для постановки театр на Малой Бронной. О феномене Ерофеева пишут литературоведы, и ни у кого не вызывает сомнений, что появился новый классик в отечественной литературе. А Венечка Ерофеев, как называл себя он сам и называют его друзья, — умирает. Трагическая судьба, трагический русский писатель.

Эта трагичность пронизывает каждое слово его произведений, каждую минуту сценического действия в поставленных В. Портновым спектаклях. У Ерофеева есть фраза в записных книжках: «Вот сейчас последний раз выдохну и уйду в мир чистых сущностей». Стояние на краю жизни и стремление в мир чистых сущностей — ощущается в обоих спектаклях. Далеко не все зрители их воспринимают и понимают суть. Но завораживающее действие ерофеевского текста и сценической образности — бесспорно.

ПРОЗУ переводить на язык театра очень трудно. И тем более ценно умение ре-

жиссера В. Портнова придумать спектакль, соединив в логическую цепочку все звенья литературной и театральной правды, чтобы получилась единая правда жизни. Особенно выразительны финалы его спектаклей, в которых всегда — не точка, не многоточие, а — восклицательный знак! Я знаю, что Портнов сначала придумывает финал, чтобы определить для себя смысловые вехи.

Вот так состоялся контакт писателя с театром. Трудный поначалу контакт. Портнов рассказывает, что Венедикт Ерофеев был совсем не театральным человеком, пьесу написал не для постановки, а для литературы, на театр он смотрел как на вторичное искусство. Кроме того, будучи смертельно больным человеком, не надеялся, что доживет до спектакля. На репетициях не бывал, постановочная группа ходила к нему в больницу и домой согласовывать, добавлять, сокращать. И когда он все-таки увидел готовый спектакль по своей пьесе, то был поражен тем, насколько, по его представлению, написанное не совпадает с поставленным. «Слова, вроде, мои», говорил он. — А писал будто кто-то другой». Но потом он пришел во второй раз, в третий и наконец принял театр как таковой. Понял, что спектакль есть иное художественное произведение, нежели пьеса и тем более повесть. Он даже начал писать специально для этого театра новую пьесу — «Фаня Каплан», сделал уже много. Друзья — литераторы обещают собрать пьесу...

Не захотел Владимир Портнов рассказывать о жизни Ерофеева, сказал так: «Венедикт сам не любил говорить о своей трудной судьбе, и я не считая для себя возможным. Придет время, и исследователи жизни и творчества этого очень чистого, очень свободного человека напишут о нем».

МНЕ же кажется, что о Венедикте Ерофееве — ярком человеке и большом писателе — можно судить по этим двум спектаклям, представленным с любовью. Только надо смотреть их с открытой душой, раскрепостившись внутренне и приняв правила предложенной писателем и театром игры.

Римма ЧЕРНЕНКО.

Литературная сессия. — Алма-Ата — 1990. — 12 июня